

**СЕРГЕЙ
ГАРИН**

ДЕНЬГИ

Сергей Александрович Гарин

Деньги

Аннотация

«На московских бульварах, лет двадцать назад, куда было оживленнее, чем теперь. Раньше молодежь была бодрее, взгляд её на жизнь не был отравлен ни политикой, ни экономическими запросами. Жилось всем вольно и хорошо, – кому бедно, кому – богато, но, во всяком случае, не скучно... И на московских бульварах, в особенности летом, собирались и домные, и бездомные, и уставшие от службы за день и – от одиночества за всю жизнь... Собирались сюда и женщины, и девушки, промышлявшие ремеслом позорным, – с накрашенными щеками, с подведенными бровями и глазами... Приходили и студенты и чиновники, молодые, безусые, с дырявыми карманами, но с большими горизонтами в душе...»

Содержание

I	4
II	8
III	14

Сергей Гарин

Деньги

I

На московских бульварах, лет двадцать назад, куда было оживленнее, чем теперь. Раньше молодежь была бодрее, взгляд её на жизнь не был отравлен ни политикой, ни экономическими запросами. Жилось всем вольно и хорошо, – кому бедно, кому – богато, но, во всяком случае, не скучно... И на московских бульварах, в особенности летом, собирались и домные, и бездомные, и уставшие от службы за день и – от одиночества за всю жизнь... Собирались сюда и женщины, и девушки, промышлявшие ремеслом позорным, – с накрашенными щеками, с подведенными бровями и глазами... Приходили и студенты и чиновники, молодые, безусые, с дырчатыми карманами, но с большими горизонтами в душе.

Были беспечны к своей нужде, но любили горячо весь мир и прощали жизни все её несправедливости...

Ежедневно, на Тверском бульваре, под вечер, собиралась компания молодых людей, состоявшая из двух студентов-медиков, одного техника и телеграфиста. Все это была молодежь, все были люди бедные, живущие уроками и трудом. Студенты были пятикурсники. Один – высокий и рыжий,

с копной таких же волос и голосом хриплым от спиртного излишества и нетопленной, по зимам, комнаты. Звали его весьма странно: Мелевсипом, а фамилия его была Хлопов. Но товарищи и знакомые, для упрощения, прозвали его просто Мастифом, да эта кличка как раз и подходила к его громоздкой фигуре, массивной и коренастой. Силы Мастиф был непомерной, но кроток и незлобив, как барашек. Другой студент – полная противоположность первому: худенький, щупленький, подвижной, как угорь. Был он поляк. Звали его Казимиром Студницким.

Техника звали Провушкой. Фамилии его никто не знал, была она не то Иванов, не то Петров, – одним словом простейшая русская фамилия. Но под «Провушкой» его знал весь Тверской бульвар, как знали и о том, что учился он в училище путей сообщения. И был еще телеграфист казённого московского телеграфа – Анатолий Серебрянский. Откуда он появился, – даже на московском телеграфе не знали. Пришел он, в один прекрасный день, в аппаратную с какой-то бумажкой из главного управления, молча сел на отведенное ему место, и сразу же заработал, как опытный и бывалый работник. На расспросы о себе, Анатолий отвечал мало, неохотно и все больше полуответами. Но успели заметить окружающие, что пришелец недюжинных способностей и образован более, чем другие... С бульварной компанией Серебрянский познакомился случайно, и с тех пор проводил с ними все свободное время.

Были и девицы в этой компании. Юзька – чистокровная полька, плохо говорившая по-русски, лет 25, но уверявшая, что ей не исполнилось еще и двадцати. Она любила Анатолия, чувствуя, в нем силу внутреннюю, побаивалась его немного, но уважала за то, что телеграфист не только не брал у неё денег, но, иногда, даже сам делился, хотя был беден, как церковная крыса.

У Мاستифа была Нюрка – маленькая, ловкая девчонка, пошедшая в проститутки не более года назад. Звала она своего студента «папашкой», ходила с ним всегда по бульвару под руку, причем казалась такой маленькой и жалкой, рядом с этим богатырем.

Студницкий вел знакомство с Розалией Францевной – рижской немкой, молоденькой, глуповатой и наивной. Несмотря на свою профессию, в которой Розалия находилась не менее пяти лет, она на многие вещи искренно смотрела глазами ребенка.

И, наконец, у Провушки была Аннушка – молоденькая швейка, пошедшая по этому пути просто по легкомыслию.

Жила вся эта компания очень дружно, встречаясь почти каждый день, по вечерам, на Тверском бульваре. Если у кого из мужчин были деньги – шли в ближайший трактир, пили там скверное вино и водку, ели яичницу и сосиски с капустой, а затем – девицы шли на заработок, студенты расходились по домам... И не было в этом знакомстве с девицами ни малейшего намека на сутенерство... Правда, пользо-

вася иногда молодежь даровыми ласками этих женщин, но было это только по бедности и молодости, и, при первой же деньге, женщинам накопили посильные подарки...

Иногда, а это бывало только в скверную погоду, когда у женщин заработка не предвиделось – вся компания шла на квартиру к Юзьке, и сидели там до рассвета, за полдюжиной пива, распевая студенческие песни под гитару. Играл обыкновенно Анатолий – он и на рояле играл великолепно, а остальные пели безголосо, но с настроением.

После «вечеринки» гости укладывались «по способности», кто на диване, кто на полу...

И так летело время... Чередовались дни. Катилось колесо утренних и вечерних часов. Сменялись времена года.

II

Наступила весна. Сошел снег с московских бульваров; пробилась из грязи травка; набухли почки деревьев.

Однажды, компания собралась рано. На следующий день был праздник, и не хотелось молодежи сидеть в душных каморках. Излюбленным местом друзей были скамейки против кофейни, – их обыкновенно они и занимали.

Раньше всех пришел Мастиф, в полинявшей фуражке и тужурке с заплатами на локтях. Он, по обыкновению, мало смущался своим костюмом и наоборот: когда видел проходящего мимо, элегантно одетого студента – выставлял свой заплатами локоть, и говорил громко, на весь бульвар, соседу:

– Бедность, брат, – не порок!.. А вот богатство, это, брат, большое свинство!

Пришли Студницкий и Анатолий. Пришли женщины: Нюрка, Юзька, Розалия Францевна и Аннушка. И только Провушки не доставало.

Телеграфист спросил Аннушку:

– А где же Провушка?.. Я что-то его третий день не вижу!..

– Да и я его два дня не видела!.. Где его черти носят – ума не приложу! Получил он какую-то телеграмму в четверг... это я знаю!..

– Готовится верно к экзаменам! – сказал Мастиф. – Ведь,

у них, у путейцев, экзамены рано начинаются!

Но Студницкий не согласился:

– Нет, все это не то!.. Вероятно, что-нибудь над ним стряслось!

– А что может с ним случиться? – спросил Анатолий. – Заболел?..

– Нет, нет! – воскликнула Аннушка – все, что хотите, но только не это!.. Ах, да: я и забыла вам сказать: ведь я же вчера к нему вечером забегала!

– Ну?! – воскликнули все, в один голос.

– И вот квартирная хозяйка сказала, что он уехал... дня на три... в какой-то город... какой – теперь не припомню!..

Мастиф улыбнулся...

– Ну, вот ларчик открывается просто!.. А говорите: не знаю, куда делся!.. – обратился он к Аннушке. – Эх, вы... дамы!..

Помолчали, рассматривая публику, которая заполняла уже бульвар, вливаясь и по несколько человек, и отдельно. Погода была хорошая, теплая. Против, за столиками кофейни, пестрели весенние шляпки женщин; слышался смех; звенела посуда...

– Недурно бы пивка!.. – задумчиво протянул Мастиф и обратился к товарищам: – У вас как сегодня... насчет денег?..

– У меня... двадцать две копейки!.. – спокойно ответил Казимир.

Анатолий полез в карман, достал рваный кошелек. Стал пересчитывать.

– Семьдесят шесть!..

– А у меня – ноль с дыркой!.. – заявил Мастиф. – Итого: девяносто восемь копеек!.. М-да!.. – прибавил он задумчиво. – На них далеко не уедешь!..

– У меня есть три рубля! – робко начала стоявшая перед студентами Нюрка...

Мастиф оглядел ее с ног до головы, а затем откинулся на спинку скамейки, заложив руки в карманы.

– Женщина... изыде!.. Да как ты смеешь предлагать нам... благородным донам, сию позорную комбинацию?!

– Но, ведь, отдадите же... – вставила Юзька.

– Не подойдет!.. Русский студент может пасть до того, чтобы не иметь денег на угощение женщин, но он никогда не упадет до кутежа на женские деньги!..

– Это вы только такие странные! – вмешалась Аннушка, переглядываясь с проходящим мимо господином. – Удивительно странные!.. А вот, сколько я ни знаю мужчин, они даже деньгами берут от женщин!..

Мастиф улыбнулся...

– Не доросли мы до них, маркиза... до этих ваших «мужчинов»!.. Впрочем – не будем больше об этом говорить!.. Итак, сеньоры... – обратился он к товарищам. – Сегодня, как видите, трактиры и портерные для нас закрыты!..

Казимир поморщился...

– Да... обидно!.. На девяносто шесть копеек не напируешь!..

Анатолий стал вслух высчитывать:

– Если даже пойти в портерную... Взять четыре бутылки пильзенского – сорок восемь копеек!.. Яичницу – тридцать...

– Одной яичницы мало! – перебил Мастиф. – Скажите: три яйца!.. Да я один, по состоянию своего здоровья и желудка, уничтожу их десяток!..

– А вы идите без нас! – предложила Юзька. – Вам одним этих денег вполне хватит!

Анатолий насупился...

– Ну, нет... это будет не по-товарищески!.. Идти – так уж всем!.. Иначе я и не понимаю!

Мастиф пожал ему руку.

– Вот это – в моем духе!.. «Коли пир – так пир горой»... всем «обществом»!

И вдруг, приложив руку к скомканному козырьку фуражки, он стал всматриваться в сторону памятника Пушкина...

– Господа!.. – воскликнул он. – Посмотрите: никак Провушка идет!..

Взоры всех обратились по указанному направлению. И, действительно, шел Провушка, но не прежний Провушка в потертой студенческой тужурке и бесформенной от ветхости фуражке, а кто-то другой, только с лицом Провушки, одетый с иголочки в светлый, элегантный весенний костюм, в фет-

ровой шляпе.

Сначала не поверили глазам. До того все это не вязалось с представлением о Провушке – бедном и безродном...

Но идущий был уже близко... Ясно видны были черты лица его, радостного, улыбающегося...

Не было сомнений: это был Провушка!..

– Что за маскарад?! – встал ему навстречу первым Мастиф.

Бросилась и вся компания. Окружили Провушку. Спросам и расспросам не было конца.

Но техник отмахивался:

– Да погодите... погодите!.. Не всем сразу!.. Да... да... это я – ваш товарищ... по имени Пров... по прозвищу – Провушка!.. Но здесь я ничего объяснять не буду!.. Идемте сейчас все в ресторан... в хороший... лучший ресторан, и там я вам все расскажу!.. Ну?! – спросил он удивленно, видя, что все недоверчиво на него смотрят. – Чего же вы на меня буркалы тарашите?! Боитесь идти со мной?! Думаете: денег нет?..

Он полез в боковой карман, вытащил туго набитый бумажник и показал пачку сторублевых:

– Хватит!.. Видите?! На все хватить!..

Мастиф стал протирать глаза...

– Что это: сон?.. наводнение?.. конец мира?!.. Провка!.. – вдруг закричал он на весь бульвар, схватив товарища за плечи и потрясая их, – кого же, это, ты, мерзавец, ограбил?!

Провушка рассмеялся...

– Ничего и никому здесь!.. Все там... в ресторане!.. Поняли?.. Идете вы, наконец, в ресторан, или нет?!

Мастиф почесал в затылке...

– В ресторан?.. В хороший?.. – он посмотрел на свой заштопанный локоть, – а того... не спустят с хорошей... покрытой коврами... лестницы?!

– Пусть попробуют! – гордо кинул Пров: – они тогда узнают, с кем имеют дело!.. Да, наконец, мы же в общем зале и сидеть не станем – пройдем прямо в кабинет!..

Тогда еще, на Тверском бульваре, был ресторан Саврасенкова... Туда и направилась вся компания...

III

Кабинет заняли самый шикарный. Пров потребовал распорядителя, и, совместно с Анатолием – проявившим большие способности и в этой отрасли, заказал великолепный обед, также и все напитки, начиная с водки и кончая шампанским.

Мастиф был в хорошем настроении. Он гоготал на весь кабинет, пока Провушка с Анатолием переговаривались с распорядителем шутил с женщинами, рассматривал сервировку на столе...

– Совсем сцена из «Принца и нищего»!.. Вчера – в грязи... сегодня – ем на золоте!.. Хорошие ложки! – взял он одну из ложек со стола: – 84 пробы!.. Вы знаете, друзья мои: у меня всегда была склонность к собиранию каких-либо коллекций!.. Не начать ли мое коллекционерство с этих именно ложек?!

Когда сели за стол, Провушка попросил внимания...

– Господа!.. – начал было он, но сейчас же поправился: – друзья мои дорогие!.. То, что случилось на этих днях со мной, рассказывается только в сказках, да и то – для детей младшего возраста!..

– Да ты прямо... по существу! – нетерпеливо воскликнул Анатолий. – К чему это предисловие?..

– А то выпить хочется! – добавил Мастиф...

– И... кушать! – заявила Нюрка...

– Хорошо, я буду очень краток! – продолжал Провушка. – И так: мы с вами, друзья мои, знакомы третий год... И эти три года вы знали обо мне только то, что зовут меня Провом, что учусь я в путевском училище... Знали также, что фамилия у меня самая ординарная, от которой нельзя было ожидать никаких превращения и метаморфоз!..

– Короче! – попросил Казимир.

– У меня, до сего дня, не было отца... По документам, я значился рожденным от девицы Сидоровой, а отчество мне было дано по крестному отцу – Васильевич!

– Пров Васильевич! – мечтательно протянула Аннушка. – Как красиво!

– Матери своей я тоже не помню, – она умерла, когда мне было три года... Воспитывал меня заштатный протоиерей, живущий в Можайске, он же мне высылал до сего времени по четвертному билету в месяц... И вот, четыре дня назад, я был вызван телеграммой в Можайск, к своему приемному отцу и тот рассказал мне, кто был моим настоящим отцом!.. Он рассказал, что я усыновлен им, и что все состояние, после его смерти, перешло ко мне!..

Возбужденный, с горящими глазами, он перевел дух и продолжал:

– Друзья мои!.. Вы видите перед собой не Прова Васильевича Сидорова, а... – выдержал паузу и добавил торжественно: – а... графа Прова Александровича Шелгунова!..

Все слушали с разинутыми ртами. Так действительно было фантастично все то, о чем Провушка рассказывал...

– Мой покойный отец оставил мне состояние, в имениях, заводах и деньгах, которое оценивается в... десять миллионов рублей!..

Он сел и залпом выпил стакан вина.

Наступило неловкое молчание. Вползло что-то нехорошее в этот кабинет, и связало всех по рукам и по ногам, лишило сразу свободы действий...

И Мастиф, и Анатолий, да и Казимир почувствовали вдруг открывшуюся пропасть между ними и Провушкой...

Женщины сидели потупившись.

– Что же вы молчите?! – заговорил весело Провушка. – Почему вы меня не поздравляете?..

Мастиф налил рюмку водки и протянул ее Провушке, криво улыбаясь...

– Поздравляю... граф!..

Поздравили и остальные. Поздравили, с улыбками, намеренно себя взвинчивая, но чувствовался какой-то холодок и в словах, и в движениях.

Оживились только к концу обеда, когда уже много было выпито. Анатолий сел за рояль и играл бравурный марш... А Провушка все пил, шутил, рассказывал...

– Прежде всего, господа... – говорил он, размахивая бокалом шампанского, – я выстрою большое студенческое общежитие!.. Так, человек на двести!.. За десять рублей в ме-

сяц, каждый неимущий студент будет у меня получать комнату, стол, белье постельное и прачку... А папиросы, конечно, пусть покупает сам!.. Я высчитал уже это приблизительно, и вышло, что мне придется добавлять на каждого студента так... рублей сорок!.. Итого – восемь тысяч в месяц!.. Но это... ерунда!.. Затем: общежитие будет носить имя моего покойного отца графа Александра Владимировича Шелгунова!..

Мастиф был пьян. Он развалился в квадратном мягком кресле с сигарой в зубах и иронически слушал Провушку.

– А если... десяти-то рублей не найдется у меня, чтобы за твое общежитие заплатить? – спросил он. – Что же, ты меня, значит, и непустишь в это общежитие?..

Провушка смутился.

– Нет... тебя... ну, какие могут быть разговоры?!.

– Ну, не меня... студента Хлопова, а, например, какого-нибудь второго Сидорова, у которого еще не выявилось отца-графа!..

Провушка обиделся. За что его Мастиф высмеивает?.. Ведь, он рассказал свой проект друзьям, для которых душа его раскрыта на распахну!.. Да и напрасно Мастиф уколол его этими десятью рублями! Они берутся только для того, чтобы ограничить доступ желающим!.. Ведь если ничего не брать – слишком много кандидатов будет!

К Провушке подошла Аннушка...

– А ты мне денег дашь?

Провушка встрепенулся...

– Когда?.. Сейчас?.. Или... вообще?..

– И сейчас... и вообще!.. – развязно улыбнулась тоже выпившая Аннушка. – Мне нужно непременно портнихе заплатить – она мне проходу не дает!..

Провушка нахмурился, вытащил бумажник и стал в нем копаться.

– Ну, на вот тебе пока... двадцать пять рублей!.. После я тебе еще дам!

Он что-то вспомнил и, деланно улыбаясь, обратился к Мастифу, Анатолию и Казимиру:

– А вам, господа, деньги нужны?..

Он держал бумажник раскрытым.

Мастиф скривился...

– Благодарю на ласке!.. Не знаю, как им... – кивнул он на товарищей, – но мне не нужны!..

Остальные тоже отказались, и Провушка быстро спрятал бумажник...

– Кому что нужно – прямо... без стеснений!..

Опять стало всем неловко, но этой неловкостью заразился теперь уже и сам Провушка...

Стемнело. По бульвару гроыхала конка и её звонки напоминали о жизни большого города. Женщины вспомнили, что им пора на промысел.

Первой поднялась Юзка, посмотрела смущенно на Провушку, затем на Анатолия и вдруг покраснела:

– Мне... идти нужно!.. А то я... сегодня... еще ничего не заработала!..

За ней поднялись Розалия Францевна, Нюрка и Аннушка... Последняя, видимо, не хотела уходить, но Провушка молчал, и она стала медленно надевать шляпку...

Поднялся и Мастиф...

– Ну, и нам пора! – твердо сказал он и переглянулся с товарищами...

Провушка удивился...

– А вы-то... куда же?! Ну, я понимаю: они... – он показал на женщин... – им... действительно нужно!.. А вы-то?! Давайте... посидим еще!..

Мастиф загадочно усмехнулся...

– Вот потому-то мы и уходим, что «им» нужно! – кивнул студент головой, – Ну, граф... Спасибо за угощение!.. – быстро протянул он руку Провушке.

Казимир и Анатолий взялись за фуражки.

– Экая досада! – бормотал Провушка, прощаясь с товарищами. – а я думал, что мы проведем весь вечер вместе!.. Можно было даже дальше куда-нибудь поехать!

Мастиф хлопнул себя по карману.

– Денег нет!.. Ма пош сан грош!..

– Но, ведь, я предлагаю!.. У меня есть!..

– У вас – это не у нас!.. Однако – до приятного!.. Адью!..

Провушка один остался расплачиваться. Остальные вышли на улицу. И как только закрылась за ними дверь ресто-

рана, Мاستиф стал посреди панели...

– Прощай, Провушка! – сказал он и свистнул... – Прощай, товарищ, и... здравствуйте... ваше сиятельство!.. Это уже хуже!..

Женщины простились и шмыгнули на темный бульвар, и скоро их фигуры растворились в покрывале ночи.

Друзья медленно пошли, молча...

– Неужели этим несчастным он не мог, хоть на сегодня, дать, чтобы они не гуляли?! – нарушил вдруг тишину Анатолий...

Мастиф молчал. И только на Страстной площади, прощаясь с товарищами, он бросил в темноту ночи, ни к кому, собственно, не обращаясь:

– Бедность, брат, не порок!.. А вот богатство... брат, ба-альшее свинство!..

Ушла вперед его грузная фигура, со склоненной головой, и ей ехидно подмигивали уличные огни, знавшие какую-то большую тайну жизни...